
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Научная статья

УДК/UDC 342 (470.67) (091)

DOI: 10.21779/2224-0241-2022-44-4-9-18

Правовая жизнь союзов сельских общин Горного Дагестана в XVIII – начале XIX вв. (на примере Акуша-Дарго) Часть 1

М. Н. Абдуллаев¹, Т. М. Айтберов²

^{1,2} Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация

¹ mnabdullaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3798-3007>

² timirlan222@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1989-1507>

Аннотация. В данной статье впервые на основании арабских текстов юридического содержания исследуется правовая жизнь акушинского общества и союзов сельских общин, составлявших Акуша-Дарго в XVIII – начале XIX вв. Авторы отмечают, что Акуша-Дарго входило в число тех горских союзов, которые веками сохраняли самостоятельность от соседних князей-правителей Восточного Кавказа.

Подчеркивается, что в акушинской зоне и на прилегающих территориях ареографическая письменная практика прослеживается с рубежа XIII–XIV вв., что явилось условием утверждения здесь традиции письменной фиксации права на общепонятном языке. Раннее осознание важности письменного закрепления существующих и вновь принимаемых норм местного права (дарг. *зегъа*) является отличительной особенностью общин Акуша-Дарго, отражающей уровень развития права и государственности. Авторы приходят к выводу, что Акуша-Дарго представляло собой преемственно эволюционирующую общественно-политическую систему, уходящую корнями в домонгольскую эпоху, в государство Шандан. Многовековой процесс становления Акуша-Дарго с «республиканским» правлением проходил во взаимодействии и взаимовлиянии с окружающими его феодальными монархиями. При этом федерация даргинских союзов сельских общин Акуша-Дарго фактически сохраняла суверенитет и выступала равнозначной политической единицей в структуре государственности народов Дагестана.

Ключевые слова: обычное право, адат, шариат, памятник права, договор, соглашение, государственность, союз сельских общин, Акуша, Акуша-Дарго, Даргинский округ, Дагестан

Для цитирования: Абдуллаев М. Н., Айтберов Т. М. Правовая жизнь союзов сельских общин Горного Дагестана в XVIII – начале XIX вв. на примере Акуша-Дарго. Часть 1 // Юридический вестник ДГУ. 2022. Т. 44, № 4. С. 9–18. DOI: 10.21779/2224-0241-2022-44-4-9-18

Original article

Legal life of unions of rural communities of Mountainous Dagestan in the 18th - early 19th centuries (on the example of Akusha-Dargo) Part 1

Magomedzapir N. Abdullaev¹, Timur M. Aitberov²

^{1,2} Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation

¹ mnabdullaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3798-3007>

² timirlan222@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1989-1507>

Abstract. In this article, for the first time, on the basis of Arabic texts of legal content, the legal life of the Akush society and unions of rural communities that constituted Akush-Dargo in the 18th - early 19th centuries is studied. The authors note that Akusha-Dargo was one of those mountain unions that for centuries retained independence from the neighboring princes-rulers of the Eastern Caucasus. It is emphasized that in the Akushi zone and adjacent territories, the areographic written practice can be traced from the turn of the 13th - 14th centuries, which was a condition for the establishment of the tradition of written fixation of law in a commonly understood language. Early awareness of the importance of the written consolidation of existing and newly adopted norms of local law (darg. *zega*) is a distinctive feature of the Akusha-Dargo communities, reflecting the level of development of law and statehood. The authors come to the conclusion that Akusha-Dargo was a successively evolving

socio-political system, rooted in the pre-Mongol era, in the state of Shandan. The centuries-old process of formation of Akusha-Dargo with "republican" rule took place in interaction and mutual influence with the surrounding feudal monarchies. At the same time, the federation of the Dargin unions of rural communities Akusha-Dargo actually retained sovereignty and acted as an equivalent political unit in the structure of the statehood of the peoples of Dagestan.

Keywords: customary law, adat, sharia, monument of law, contract, agreement, statehood, union of rural communities, Akusha, Akusha-Dargo, Dargin district, Dagestan

For citation: Abdullaev M. N., Aitberov T. M. Legal life of unions of rural communities of Mountainous Dagestan in the 18th – early 19th centuries, on the example of Akusha-Dargo. Part 1. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2022, vol. 44, no. 4, pp. 9–18. DOI: 10.21779/2224-0241-2022-44-4-9-18 (In Russ.).

«Даргинцы» в значении населения Даргинского округа были реалией Российской империи 2-й половины XIX – начала XX вв. Отметим также, что большая часть его населения говорила на даргинском языке с акушинским диалектом. Данное обстоятельство отражено в работе типографий, функционировавших на территории Дагестанской области, то есть в дореволюционный период [1, с. 50]. Даргинский округ был создан на базе союза сельских общин, который фиксируется в арабских текстах дагестанского происхождения под названием «Дарго». Касаясь этого топонима, отметим, что сохранилась подлинная арабская запись начала XVII в., где говорится о сражении 1612 г., происшедшем между ширванскими «шиитами и хариджитами» – пришельцами с территории современной АзР, с одной стороны, и «даргинцами (*даргу*) и сюргинцами (*сирхла*)» – с другой*. В трудах же кавказоведов 2-й половины XX–XXI вв. «союз» именуется чаще всего термином «Акуша-Дарго». Дело в том, что сел. Акуша исторически формировалось как один из центров государственности Дагестана. Само акушинское общество, состоявшееся из десятков поселений, образованных в массе своей выселенцами из сел. Акуша, выступало в роли политического и духовно-культурного ядра федерации даргинских союзов сельских общин Акуша-Дарго.

Для историков права важным моментом является то, что акушинское общество принадлежит к тем частям Восточного Кавказа, где существовала многовековая, как минимум, прослеживаемая с XV в., письменная традиция [2, с. 64]. Одной из форм её проявления была запись в XVIII – начале XIX вв. памятников местного права, которые представляли собой сочетание норм традиционного адатного права и шариата. При этом заметим, что влияние шариата постепенно усиливалось, что прослеживается на протяжении нескольких столетий. Полностью же шариат не утвердился во всех сферах правовой жизни дагестанцев даже в эпоху кавказских имамов. Отметим, что особый отряд телохранителей имама Шамиля, почти на половину состоявший из даргинцев Цудахарского общества (сел. Куппа), распевал: «Слава имаму Шамилю, чтобы мог бы он устанавливать» в Дагестане «шариат».

* О существовании названной записи узнало кавказоведение через Б.Г. Алиева.

В истории Восточного Кавказа сохранились разнообразные по своим формам письменные источники, повествующие об этнических дагестанцах (в том числе о даргинцах из акушинских обществ), где сообщается об их походах, предпринимавшихся в южном и северном направлениях. В частности, карабахский поэт XVIII в. писал: «Тверже булата душа» этнического дагестанца. Перед сынами гор Дагестана «не устоит Багдадская стена» [3, с. 98]. Наличие относительно большого количества ценных упоминаний в письменных источниках позволило кавказоведам заняться изучением места и роли даргинцев, их государственных образований и памятников права в дагестанском историческом процессе. В этой связи необходимо упомянуть труды Р.М. Магомедова, Х.-М.О. Хашаева А.С. Омарова, Б.Г. Алиева, М.С.К. Умаханова, А.О. Муртазаева [4, с. 115, 201; 5, с. 167; 6, с. 255; 7 с. 129; 2, с. 84]. Признавая заслуги указанных исследователей, мы считаем, что исследуемая тема требует дальнейшего изучения, особенно в историко-правовом аспекте.

Данная статья написана на базе арабоязычных источников XVIII – начала XIX вв., практических не использованных кавказоведами, особенно историками права и государства. Нами также используются в более полном объеме письменные источники, ранее известные науке лишь в пересказах краеведов [2, с. 184].

Кавказоведы, обращаясь к изучению истории права акушинских даргинцев, как и других групп кавказцев, принадлежавших к автохтонному населению, либо к старожильческому, опирались во многом на специфический, по сути, своей материал. Речь идет об информации, которую собирали военные, входившие в штат Кавказской армии, во 2-й половине XIX в. – начале XX вв., либо представители каких-либо других военных структур Российской империи. Делалось же все это в целях решения ряда вопросов, касающихся управления жителями гор, предгорий и равнин Кавказа.

Акушинцы прошлых столетий, правовая жизнь которых является объектом нашего внимания, именовали сами себя *Ахъушала хIуреба*, то есть «Акушинское войско-народ» [8, с. 225]. Нельзя не согласиться с тем, что акушинцы были весьма многочисленны, по крайней мере, во 2-й половине XVIII в. [7, с. 130; 2, с. 73; 9; 10, с. 210; 11, с. 307]. Опираясь на сочинения А. Комарова и Е.И. Козубского [12; 13], авторитетный исследователь

Р.М. Магомедов писал, что даргиноязычное – плюс издавна союзное с ним иноязычное – население средней части Дагестана состояло исторически из пяти «обществ» [4, с. 118; 2, с. 72]. Среди них «Акушинское вольное общество» выделялось внутренней организованностью, военно-политической активностью в регионе, наличием авторитетных ученых-арабистов и развитием права. Оно «состояло из 36 джамаатов», причём небольшая часть «акушинцев» имела в качестве родных языков лакский и аварский [4, с. 118, 119; 7, с. 130; 2, с. 72, 73]. Отметим в данной связи, что уже в середине XVIII в. русские военные считали, что аварское сел. Салта относится к тем, кто был известен на Кавказе «под общим названием акушинцев» [14, с. 128].

В учёной среде существует традиция – писать об «Акушинском союзе сельских обществ» и отождествлять его практически с Даргинским округом Дагестанской области Российской империи [7, с. 129]. Здесь нужно отметить, что Р.М. Магомедов также писал, причём одним из первых (в 1957 г.) из советских историков, о «едином союзе», включившем в себя «все» – можно сказать – «даргинские вольные общества», но «при главенстве акушинцев». При этом, однако, отмечал он, что формирование данного «союза» началось лишь с «конца XVIII века» [4, с. 119]. В то же время в науке существует и иная позиция приверженцев удравления (до XVII в., как минимум) [7, с. 129]. В их пользу говорит тот факт, что топоним «дарго» в источниках упоминается применительно к гораздо более ранним периодам, а именно конец XIII в., рубеж XV–XVI вв., начало XVII в. [15; 1, с. 52].

В этой связи вызывает интерес текст «клятвенного договора» XVIII в., заключённого между акушинцами (в арабском тексте: *дарго*), с одной стороны, и «ущимем» Кайтага, по имени Амирхамза, как и кайтагской аристократией (такие, например, личности как Устархан и Султанахмад) – с другой [16, ч. 1, с. 74]. Дело в том, что действительность такого договора, в тексте которого (XVIII в.) употреблен, как указано, термин *дарго*, засвидетельствовать должны – согласно шариату, – личности авторитетные в глазах местных мусульман [17, с. 193]. Главное – должны быть они политически и материально независимыми: от сторон, которые заключают договор. Так вот, «свидетелями» названному договору, составленному «жителями Дарго» и князьями Кайтага, в пределах 1765–1788 гг. (?), – не исключается здесь, впрочем, и несколько более ранняя датировка, а именно 1750–1764/65 гг., – были: «кадии Цудахара (*Цудахъар*), Муги (*Мухлу*), Мекеги (*Миклахлу*) и Усиша» [16, ч. I, с. 74; ч. II, с. 69, 70].

Политические единицы из категории «вольные общества», которые перечислены здесь, стоят в тексте дагестанского арабоязычного документа, таким образом, отдельно от «Дарго». Нельзя здесь, впрочем, не упомянуть того, что российские данные, относящиеся, вроде бы к середине XVIII в. (не позднее 1757/58 гг.), включают в состав Акуша-

Дарго (*Дарга*): Цудахар, Муги, Мекеги и Усиша (*Оуиша*) [14, ч. 1, с. 128]. Данная позиция касательно семантики термина «Дарго» находит, между прочим, подтверждение себе в памятной записи на арабском языке, которая сообщает о вышеупомянутом вторжении «войска еретиков» на территорию современного Акушинского района РД. Эта запись локализует «город» Усиша, в пределах «округа, который именуют Дарго» [1, с. 51, 52].

На наш взгляд, процесс формирования государства Акуша-Дарго был длительным, преемственным и начинался он от воевавшего с арабами (VIII–XI вв.) Шандана. Это означает, что единство «даргинцев» (*дарго*) складываться начало, как представляется, гораздо раньше обозначенного времени. При этом путь политического единения этноса был сложным, переживал периоды отступления, то есть разделения на крупные социополитические структуры с центрами в Акуша, Мекеги, Муги, Усиша, Цудахаре [2, с. 72; 4, с. 118], что порождало различные перемены.

Традиционный строй даргиноязычного общества Дагестана, а именно особенности его социально-политической и правовой организации, уже изучались, причем неоднократно. Исследователи, прежде всего, Р.М. Магомедов, имея под рукой памятники адатного права [18], но в дореволюционной русской передаче их содержания (нередко это бывает двойной перевод, а именно с арабского языка на тюркский, а затем уже с тюркского на русский) сумели выявить, а главное, сохранить до наших дней чрезвычайно ценный для истории права материал. Речь здесь идёт о правовой терминологии, употреблявшейся даргинцами прошлого. Это, например, будут: *зегъа* «адат» (у балхарских лакцев: *цугъа* «запрет») при том, что в литературном лакском языке *цугъа* – «[в] отместку [за что либо]» [19, с. 302]; *хлукиб* «выкуп с убийцы»; *бухъ* «плата в пользу родственников убитого»; кстати, небезынтересно для историков права в свете данного факта, то, как нам представляется, что сохранился арабский документ от 1754 г., который фиксирует у лакцев термин *бухъ* в качестве обозначения лакцами – того же, причём, времени, – одной из разновидностей штрафа [20, с. 36]; *хеиш* «своеобразный порядок взимания долга», известный в кавказоведении как *шукиль* [4, с. 132; 2, с. 172] и т.д.

Правовая жизнь «Дарго» в качестве упомянутого выше «союза», объединяющего несколько «даргинских вольных обществ» [4, с. 119], известна давно. Однако, согласно арабоязычным документам правового характера, написанным в Дагестане, она прослеживается лишь с начала XIX в. Так, например, в 1829 г., то есть в эпоху пребывания «Дарго» под властью Российской империи, которая началась с конца 1819 г., «даргинцы», конечно, не все, а их представители, собравшись в месте «Цахнабикла дирка» [4, с. 119], «посоветались и ... пришли к единогласному решению», после чего приняли документ регулирующий, преимущественно, вопросы уголовного права. Главным же здесь было то, что «в случае ... ссор», возникших в

«даргинской» среде, должны «они», то есть даргинцы, «действовать» отныне «так, словно» бы «все вместе», являются эти даргинцы «жителями» как бы «одного какого-либо» дагестанского «селения». Таким образом, налицо унификация норм адатов отдельных общин, основанная на учете правовой специфики таких «крупных населенных пунктов» союза «Акуша-Дарго», как «Усиша, Муги, Мекеги и... Цудахар», а также других «даргинских» селений, в том числе лакоязычных и аваро-язычных [4, с. 118, 119; 7, с. 130, 131].

Составлен был помянутый арабоязычный документ – Решение населения Дарго по правовым вопросам, – дошедший до наших дней в подлиннике, как уже говорилось, в 1829 г. [16, с. 101, 103], то есть после заключения Туркманчайского мира, подтвердившего вхождение Дагестана в состав Российской империи. Главным «свидетелем» правомочности *Решения* населения Дарго указан в арабском тексте «кадий Акуша по имени Мухаммад»* [21, вып. 4 с. 25]. Он был отцом двух прославленных сподвижников имама Шамиля, а именно мудира Абакара-хаджи и ученого по имени «Иса», погибшего в Закатальской зоне Южного Кавказа [21, с. 349, 354]. Засвидетельствовали отмеченное *Решение* те муллы селений «Дарго», которые «стояли» тогда «вместе» с Мухаммадом-кади Акушинским [16, ч. 1, с. 103], являющимся, между прочим, сыном Баганда – кади Акушинского (ум. в 1203/1788–89 г.) – сына Мусы. Названы здесь «свидетелями» соответствия текста *Решения* (от 1829 г.) духу Корана и «сунны... Пророка», и, как результат, его правомочности – в вопросах права, – ещё и «другие даргинцы», а именно, «ученые» и авторитетные «люди, являющиеся вершителями дел» [16, ч. 1, с. 103]. Это – кроме Мухаммада-кади Акушинского и иных священнослужителей, то есть мулл, работающих на территории «Дарго».

Решение было написано тогда, когда на Восточном Кавказе гремела слава русского оружия, победившего иранскую династию Каджаров. Арабский текст сохранился в подлиннике, что важно в данном случае. Он является первым, вроде бы документальным, а, следовательно, достоверным свидетельством существования вышеупомянутого «союза», функционировавшего «при главенстве акушинцев». Согласно тексту *Решения* в центре общесоюзного, если можно так сказать, внимания стояли вопросы уголовного права, прежде всего, убийства. Так, с принятием *Решения* было установлено следующее.

Во-первых, общедаргинский порядок применения шариатского закона о кровной мести (*кисас*) без акцента на то, из какого конкретно даргинского «селения» – из большого и сильного или нет, – происходят «убийца» или «убитый».

Во-вторых, в 1829 г. был установлен общедаргинский *дият*, то есть «цена крови», причем

* Информация об этой личности, хотя и неточная, сегодня это не вызывает сомнений, приводится в нескольких работах.

с определением его суммы в 100 *туменов*, то есть примерно в 1 тыс. рублей русским серебром (?), а теоретически в 100 «верблюдов».

В-третьих, опираясь на силу и авторитет всего союза по названию «Дарго», решено выдавать тех «убийц», которые попытаются укрыться, получив здесь предварительное разрешение на данный акт, то есть на свое сокрытие, от жителей того или иного даргинского (?) «селения», – в обрисованном здесь «селении», и «передавать» их затем, причем руками государственных структур союза Дарго, «ближайшим родственникам убитого»;

В-четвертых, если в том даргинском «селении», где укрывался «убийца», сложится группа влиятельных (?) лиц, «помогающих» последнему и, мало того, старающихся «удерживать его в своей среде», то «возложит» союз, именуемый «Дарго», на группу таких лиц штраф (в арабском тексте «выкуп», дарг. *akla*), «в виде семи котлов»**.

В-пятых, если «жители» того или иного даргинского «селения», являющегося родиной «убийцы», попытаются попомешать «исполнению закона кровной мести», а именно станут не «выдавать» последнего в «руки ближайших родственников убитого», то союз, именуемый «Дарго», опираясь на свою силу и свой авторитет, отправит «исполнителей» (дарг. *баруман* –?) в обозначенное селение и «пусть они возьмут» в руки свои «этого убийцу», а затем, пусть «передадут» последнего «ближайшему родственнику убитого» для совершения «кровной мести».

В-шестых, пусть «исполнители», направленные силой союза «Дарго», в то даргинское (?) «селение», где дано «было» ранее «убежище» убийце, представляющему собой другое селение (?), «возьмут» в пользу свою «штраф» с того человека, который «помогал убийце» прятаться «в своём» (?) родном (?) «селении»;

В-седьмых, допускается, что «ближайший родственник убитого», если только «пожелает», то может он «простить» убийцу, – того, который убежал с территории союза «Дарго» и в результате «скрылся с глаз» на далекой чужбине, – за *дият*, то есть за «цену крови», равняющийся 100 *туменов* русским серебром (?). Дело в том, что теперь стало «невозможным исполнить по отношению» к такому убийце-беглецу, шариатский «закон кровной мести» [16, с. 102].

Как видим, «даргинцы» 20-х годов XIX в. – в первую очередь, население Акушинского «общества» – стремились, таким образом, к жизни по нормам шариата. Реалии жизни, однако, заставляли их прибегать, так или иначе, к древнему праву – *зег*.

Что же мы видим из текста анализируемого здесь *Решения* (от 1829) в аспекте истории права?

** В делах об «убийстве» взимание штрафа с убийцы большими «медными котлами» зафиксировано в аваро-язычном Гидатле. Отмечается при этом, что такой «котел» приравнивается – по стоимости своей – к одной корове.

Во-первых, «Дарго» в конце 20-х годов XIX в. находилось юридически в составе Российской империи. Однако это горское государство имело территорию средней величины, если судить по горско-кавказским меркам, и состояло из десятков селений (дарг. *ши*; срав. авар. *си* «башня») – сумело сохранить тогда многие традиционные институты власти и права.

Во-вторых, селения «даргинские» 20-х годов XIX в. имели «сельскую», то есть общинную организацию, где обладали весом «сильные», то есть богатые люди, имевшие много родственников мужского пола.

В-третьих, «Даргинское» государство 20-х годов XIX в. могло издавать свои законы и обладать своими собственными полицейскими, которых «даргинцы» именовали «исполнителями» (дарг. – *баруман*).

В-четвертых, в аспекте наказания за такое уголовное преступление, как «убийство», государство «даргинцев», будучи частью Российской империи, ориентировалось на шариат во всех, причем, отношениях.

Здесь нас удивляет то обстоятельство, что в тексте анализируемого *Решения* начала XIX вв., где речь идет о жизненно важной проблеме юридического характера, затрагивающей тысячи, а то и десятки тысяч «даргинцев», не упоминается шамхал. Дело в том, что есть мнение, согласно которому в те далекие от нас столетия, когда шамхалы сидели в горах Лакии, а, точнее, в «Казикумухе», являвшемся тогда столицей «наиболее сильного феодального владения Дагестана» [2, с. 54], существовала в горах интересная ситуация. Оказывается, «верхнедаргинцы», которых «соседи» стали обозначать «общим названием», звучавшим как «акушинцы» [2, с. 53], попали под влияние шамхальства «Казикумухского». В развитие данной мысли, пишут отдельные исследователи, опираясь на *Тарих Дагестан* (ниже – ТД), не позднее XIV в. «территория» акушинцев и их соседей усишинцев, как и иных «верхнедаргинцев», была «захвачена» феодальными правителями, которые сидели в «Казикумухе» и носили при этом титул «шамхала». Соответственно, жители «Акуша» совместно (?) с усишинцами, пишут ученые, основываясь на арабоязычном историческом сочинении, которое было создано, по нашему мнению, в XVIII в., «ежегодно давали шамхалу 100 быков» [2, с. 54].

Обращение к другим источникам дает нам, однако, в аспекте взаимоотношений шамхальства и акушинцев, картину, несколько отличную от той, которая получила популярность в историографии благодаря тексту ТД. Так, к примеру, в редакции *«Перечня повинностей, которые получали шамхал и крым-шамхал»*, имевший хождение в пределах «Андалала» (Гунибский район РД), как и прилегающих авароязычных земель, топоним «Акуша» не упоминается. В *Перечне* этом написано, что в пользу шамхалов «вносили плату жители» той общины, которую именуют «Усиша», а речь идет здесь о 600 «овцах». В тексте «андалальского» *Перечня* отме-

чено, что составитель последнего был знаком с термином *бартху* (от лакского *бартхъи* – «окраиники») [19, с. 345]. В *Перечне* указано, что жители «остальных» бартхунских «селений», кроме усишинцев, – обитателей центра многолюдной общины, вносить должны были «шамхалам» еще 600 «овец» [22, с. 3; 23, с. 54, 55, 59]. Получается, что взнос в пользу «шамхалов», поступавший, согласно *Перечню*, с названной здесь части этнических даргинцев, равнялся не нескольким десяткам «быков» (см.: ТД), а «тысяча двумстам овцам» [22, с. 3; 23, с. 54, 55, 59]. В контексте сказанного отметим, что в особо ценном списке того, что «причитается шамхалам», который имеет, между прочим, лакско-кумухское происхождение, не упоминаются ни Акуша, ни Усиша.

При этом следует отметить, что на оборотной стороне листа «коричневой бумаги дагестанского изготовления» написан «тростниковым каламом» один весьма интересный – по содержанию своему – арабский документ [20, с. 26], имеющий отношение к вопросу акушинско-кумухских взаимоотношений. Из текста данного документа выясняется, что «кадии государства (*мамлака*), состоявшего из Тарков», вместе с территориями, которые тяготели к последнему, как и из «Казикумуха», то есть большей части лакских земель, имели одно время солидные поступления из разных источников. В документе этом указано, что «кадии» названного дагестанского «государства» получали – это имело место в XVI–XVII вв., хотя здесь не исключается более ранняя датировка, – с жителей «Акуша» по 10 «быков», которые не изымались, таким образом, в пользу шамхалов [20, с. 26]. Из цитированных здесь исторических источников вытекает, соответственно, то, что вопрос «зависимости даргинцев» Акуши «от шамхалов», сидевших в «Казикумухе» [2, с. 54], совсем не так прост для восприятия, как полагают многие кавказоведы.

В данной связи нельзя не отметить позицию Р.М. Магомедова (обнародована в 1957 г.), который был знаком с существованием *Тарих Дагестан* и с фразой из текста данного источника: о нескольких десятках «быков», которые «акушинцы», якобы, «давали» Казикумухским «шамхалам», причем «ежегодно». Дело в том, что, описывая историю Дагестана, причем с VIII в. и уделяя при этом большое внимание шамхальству, как и его провинциям-бийликам, а также говоря здесь о существовании «власти» шамхалов над «ногайцами» Прикаспия и над «пограничными» – относительно ДАССР – «чеченцами», причем уже «к концу XV века», данный кавказовед не распространял шамхальскую «власть» далеко на запад, то есть в глубь дагестанских гор. По мнению Р.М. Магомедова, доходила «власть» шамхалов – тогда, да и позднее, лишь «до Кадара и Дургели» [4, с. 147], то есть до восточных границ современного Левашинского района, а значит, не распространялась на Акушу. Позднее, правда, а точнее, когда пишет названный исследователь о ситуации «в XVIII и начале XIX вв.», говорит он о пребывании даргиноязыч-

ных «вольных обществ» под «покровительством» шамхалов [4, с. 147]. Отмечается при этом, что «покровительство» такое, имевшее форму обязанности «акушинцев» принимать «участие в военных предприятиях» шамхалов, могло «вести», в принципе, к «превращению» их – «акушинцев» – в «зависимых людей», терявших «самостоятельность» [4, с. 147].

В связи с вопросом отношений между Акуша-Дарго и шамхальством, заслуживает внимание информация от 1789 г., исходящая от Уммахана Великого. Дело в том, что этот правитель Аварского ханства сообщал российскому наместнику Кавказа (в 1789 г.), об акушинско-шамхальских взаимоотношениях так: Мухаммад-шамхал «слушается подвластных своих акушинцев». Сюда же примыкает содержание переписки влиятельных русских генералов начала XIX в., где говорится, что «акушинцы», как и их соседи, входящие в их «общество», обозначаемое, кстати, в арабских документах того времени термином *Дарго*, «от шамхала... независимы». Мало того, последний «их боится», ибо «акушинцы» являются представителями «народа более ... сильного», чем он [2, с. 225; 24, с. 678].

Ранее не известное кавказоведению *Послание Махди-шамхала акушинской элите* (см. приложение), написанное на арабском языке и вводимое в научный оборот авторами данных строк, причем являющееся подлинником, заставляет нас согласиться с мнением Б.Г. Алиева и А.О. Муртазаева по вопросу взаимоотношений «Акуша-Дарго» и шамхальства. Означает же это, как пишут названные авторы, «отрицание» популярного мнения, что акушинцы, да и вообще верхнедаргинцы, «находились в вассальной зависимости от шамхалов Тарковских вплоть до XIX в.» [2, с. 226].

Особый интерес представляет другой источник – арабский текст *Договора*, заключённого между акушинским «обществом» и кайтагскими князьями, датированного 2-й половиной XVIII в. Здесь мы имеем дело с решением вопросов, относящихся к сфере уголовного права, причем в двух обществах Дагестана, с большой и подавляющей, можно сказать, массой даргиноязычного населения, одно из которых представляет собой как бы монархию, чьи корни уходят в глубину веков, а другое – как бы республику. Последняя представляла собой коллектив потомственных воинов, состоявших в XVIII – начале XIX вв. в статусе давних «подвластных» шамхалов Тарковских, с которыми обязаны были они «советоваться» в делах внешнеполитического характера [25, с. 402]. Указанный здесь коллектив «республиканцев», состоявший во 2-й половине XVIII в. из одного крупного поселения (в «1000 семейств»), как бы метрополии, не считая выселенцев – хуторян, которых были тысячи «дворов» [26, с. 130, 131; 10, с. 210], известен был на Восточном Кавказе в статусе «узденей», то есть солдат «шамхала».

Представители республиканской формы правления, существовавшей в XVIII в. в той части

Дагестана, которая находилась на границе с «Внутренним» Дагестаном, известной своей экономической и военной силой (акушинцы), с одной стороны, и монархической формы власти, существовавшей веками в той части «внешнего» Дагестана, которая опиралась на кайтагцев бассейна р. Уллучай, с другой стороны, сделали интересный шаг: они заключили между собой «клятвенный договор». Как говорится в тексте, «жители Дарго» «дали друг другу обещание» по вопросам уголовного права.

Привлекает внимание то, что акушинцы поставлены здесь на первое место, причём составителем официального документа, который написан на арабском языке, а потомственная аристократия Кайтагского уцмийства, корни которой восходят к XVI в., как минимум, в лице самого уцмий и двух его родственников, поставлена на второе место. Это, думается, неспроста, что показывает, наверное, значимость названных общественно-политических единиц с градацией их в рамках не только Дагестана, но и всего Восточного Кавказа.

Итак, в начале второй половины XVIII в. договаривающиеся стороны – Акуша и Кайтаг – условились:

- во-первых, «передавать» того акушинца или кайтагца, который убьет какого-либо другого акушинца или кайтагца, в «руки родственника убитого», то есть вершить здесь наказание вне границ названных государственных образований;

- во-вторых, вместо того убийцы, который успел скрыться за пределы Акуша или Кайтага, то есть за те границы, где имели право действовать их полицейские структуры (например, «исполнитель властных решений и постановлений», дарг. – *баруман, мангъуш*), «родственникам убитого» – будь он акушинцем или кайтагцем, «передавать» следовало «отца» убежавшего на чужбину убийцы или «сына» такого убийцы или же «брата» последнего [16, ч. 1, с. 74]. Здесь мы видим, что отдельные вопросы уголовного права решали мусульмане Дагестана, в массе своей этнические даргинцы (в начале второй половины XVIII в.), не по шариату, как требовалось от мусульман, а по адату (дарг. *зегъа*).

Таковы были жизненные реалии тогдашнего Дагестана, да и всего Восточного Кавказа, где отсутствовало более или менее крупное государство, полицейские структуры которого могли бы действовать на законных основаниях, в нескольких речных бассейнах горной зоны и на прилегающих территориях, выходящих, в конечном счёте, на западное побережье Каспия.

Немного раньше, чем правовой по содержанию текст, который разобран выше, было составлено, опять же по-арабски, *Соглашение* людей «Акушинской общины (*джамаат*)» [16, с. 47]. Проведя «предварительные обещания», которые дали эти акушинцы «друг другу», они решили в 1748/1749 гг. придерживаться шариата, норм местного права (араб. – *расм*, дарг. – *зегъа*), а также решений (хукм)... кадия Акушинского, как и акушинского «муэдзина» (дарг. *будун*, араб. «муэдзин»).

Первым делом акушинцы поставили в 1748/1749 гг. вопрос о необходимости соблюдения единства и поддержки общеакушинского «мнения». По опыту противостояния армии Ирана, приходившей на даргинские земли в 30–40-е годы XVIII в. под командованием Надира, прославленного восточного полководца и государственного деятеля, признав, что есть в их среде лица, предпочитающие «уединяться», то есть не признавать взгляды общеакушинские на окружающую действительность, охарактеризовали они данное поведение в качестве «преступления» (араб. – *джурм*). Соответственно, «люди Акушинской общины», включая «кадия» Акушинского и «муэдзина» Соборной мечети, решили «налагать» штраф натурой на лиц, допускающих «уединение» от общей позиции. Причем был определен в 1748/1749 гг. и размер такого штрафа – «один бык», то есть примерно 150 тыс. руб.

Акушинцев середины XVIII в. беспокоили примерно те же стороны горской жизни, которые отражены в *«Решении кадия и улемов Кибуди в сфере мусульманского права»*, отнесенном к началу XV в. [27, с. 19]. Прежде всего, нужно было населению «Акушинской общины», которое жило тогда республиканским строем, укрепить, причем изнутри, роль мусульманского духовенства, особенно институт кадийства. Для этого «люди Акушинской общины», проведя предварительно взаимные «обещания» в среде своей, «согласились», что «пятничные молебны», проводимые в Соборной мечети Акуша, то есть населенного пункта, состоявшего тогда из «1000» «семейств» [7, с. 131], могут иметь законную силу только в присутствии «кадия» Акушинского или с его «разрешения» – в случае временного отъезда его из Акуша или отсутствия, например, его по болезни.

Такую же, как представляется, цель преследовало обрисованное «согласие» акушинцев середины XVIII в., в котором говорилось о дозволенности проведения похорон того или иного члена «общины», но «только лишь с разрешения» [16, с. 48] акушинского кадия.

Названные постановления от 1748/1749 гг. противоречили шариату. Акушинцы, которые были мусульманами уже с XIV века, как минимум, действуя во главе со своим кадием, считавшимся хранителем шариата в регионе и, одновременно, противником существования там иных правовых систем, как и во главе со своим *муэдзином*, пошли тут – из чисто политических однако соображений, – путем опоры на «нормы» местного права. Держась в середине XVIII в. за данную правовую систему, акушинцы стали налагать здесь штраф в размере одного быка.

Сюда же относится и запрет любому члену «Акушинской общины» посещать дом покойника-

акушинца, чтобы читать там «*ясин*», то есть заупокойную молитву, но «без разрешения на это кадия». Эти слова относятся, как представляется, и к запрету (от 1748/1749 гг.) посещать сельское кладбище «без разрешения» кадия Акушинского, чтобы «читать» там «Коран на могиле» покойного. Примыкает к данной позиции присутствующей в тексте *Соглашения* членов Акушинской общины от 1748/1749 гг., – суть ее, это внутреннее усиление влияния мусульманского духовенства на жизнь акушинцев, – запрет на заключение тем или иным лицам брачного договора (*никах*) в Акушах [16, с. 47], делая это «без разрешения Акушинского кадия».

Второй блок правовых норм середины XVIII в. относится к семейному праву. Это – то, что рассматривалось в вышеупомянутом арабоязычном документе юридического содержания, датированном XV в., составленном в пределах Ку-мукского плато и прилегающих земель.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Акуша-Дарго представляло собой преемственно эволюционирующую общественно-политическую систему, уходящую корнями в домонгольскую эпоху, в государство Шандан. Многовековой процесс становления Акуша-Дарго с «республиканским» правлением, проходил во взаимодействии и взаимовлиянии с окружающими его феодальными монархиями. При этом федерация даргинских союзов сельских общин Акуша-Дарго фактически сохраняла суверенитет и выступала равнозначной политической единицей в структуре государственности народов Дагестана. В то же время на начальном этапе исламской истории региона Акуша признавало авторитет кадия Казикумуха и делала ему ежегодные подношения.

2. В рассматриваемый период общественное сознание Акушинского общества, как и система его правовых взглядов, характеризовалась пониманием важности усиления роли кадия как политической фигуры, наделенной не только духовной, но и военно-политической властью. Для этого были разработаны и законодательно закреплены методы и нормы, учитывающие правовые знания и правовой опыт, достигнутый предыдущими поколениями.

3. Союз сельских обществ Акуша-Дарго выделяется тем, что здесь сложилась традиция письменной фиксации права, причем, на общепонятном языке. Научная интерпретация письменной истории права федерации даргинских союзов сельских общин Акуша-Дарго позволяет верифицировать правовые реалии, существовавшие не только в Акушах, но и во всех взаимосвязанных социально-политических системах Дагестана рассматриваемого периода.

Список источников

1. *Айтберов Т.М.* О политике сефевидского двора по отношению к Дагестану и этническим дагестанцам восточного Закавказья // *Saucaso-Caspica*. Ереван, 2016. Вып. I. С. 50–52.
2. *Алиев Б.Г., Муртазаев А.О.* Федерация даргинских союзов сельских общин Акуша-Дарго в XVII – первой половине XIX в.: вопросы социально-экономической и политической истории. Махачкала, 2008.
3. *Алкадари Г.* Асари-Дагестан / пер. и прим. А. Гасанова. Махачкала, 1994.
4. *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX вв. Махачкала, 1957.
5. *Хашаев Х-М.* Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.
6. *Омаров А.* Система композиций в обычном праве Дагестана // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1966. С. 255–270.
7. *Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.С.* Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970.
8. *Услар П.К.* Хюрклинский язык. Тифлис, 1892.
9. *Дренякин И.Г.* Описание Ширвана, 1796 г. // Косвен М. О., Хашаев Х. М. История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М., 1958.
10. *Бутков П.Г.* Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1796 г. // Косвен М. О., Хашаев Х. М. История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М., 1958.
11. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. I.
12. *Комаров А.* Списки населенных мест Дагестанской области. Тифлис, 1869.
13. *Козубский Е.И.* Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895.
14. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. I.
15. РФ Института ИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 11. Д. 783.
16. *Айтберов Т.М.* Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII–XIX вв. Махачкала, 1999 Ч. I.
17. *Петрушевский И.П.* Ислам в Иране в VI–XV веках. Л., 1966.
18. Адаты Даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873.
19. *Хайдаков С.М.* Лакско-русский словарь. М., 1962.
20. *Айтберов Т.М., Каяев И.А.* Документы XIV–XVIII вв. по истории Лакии // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала, 2014. № 3 (39).
21. *Алиев Б.Г., Муртазаев А.О.* Генеалогия акушинских кадиев и их роль в системе управления федерацией Акуша-Дарго // Генеалогия народов Кавказа. Владикавказ, 2013. Вып. IV.
22. *Айтберов Т.М.* Сведения по экономической истории Дагестана в «Перечне повинностей, которые получал шамхал и крым-шамхал» // Памятник письменности и проблемы истории и культуры народов Востока. М., 1979. Вып. 14. С. 3–9.
23. *Айтберов Т.М.* Аваристан и авары в далеком прошлом. Махачкала, 2022.
24. Акты Кавказской Археографической комиссии. Тифлис, 1870. Т. IV.
25. Акты Кавказской Археографической комиссии. Тифлис, 1870. Т. V.
26. *Гюльденштедт И.А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказ из Путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам, в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб, 1809.
27. *Абдуллаев М.Н., Айтберов Т.М.* Решение кадия и улемов Кибуди в сфере мусульманского права» – памятник права Дагестана начала XV в. (По списку Рафи-Хаджи Шангодинского) // Юридический вестник ДГУ. 2021. Т.37. № 4. С. 19-20.

References

1. *Aitberov T.M.* O politike sefevidskogo dvora po otnosheniyu k Dagestanu i etnicheskim dagestantsam vostochnogo Zakavkaz'ya [On the policy of the Safavid court towards Dagestan and the ethnic Dagestanis of Eastern Transcaucasia], *Saucaso-Caspica*. Yerevan, 2016, ed. I, pp. 50–52. (In Russ.).
2. *Aliyev B.G., Murtazaev A.O.* Federatsiya darginskikh soyuzov sel'skikh obshchin Akusha-Dargo v XVII – pervoi polovine XIX v.: voprosy sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii [Federation of Dargin Unions of Rural Communities of Akusha-Dargo in the 17th - the first half of the 19th century: issues of socio-economic and political history]. Makhachkala, 2008. (In Russ.).
3. *Alkadari G.* Asari-Dagestan [Asari-Dagestan]. Transl. and note A. Gasanova. Makhachkala, 1994. (In Russ.).
4. *Magomedov R.M.* Obshchestvenno-ekonomicheskii i politicheskii stroi Dagestana v XVIII – nachale XIX vv. [Socio-economic and political system of Dagestan in the XVIII – early XIX centuries]. Makhachkala, 1957. (In Russ.).
5. *Khashaev Kh-M.* Obshchestvennyi stroi Dagestana v XIX veke [The social system of Dagestan in the 19th century]. Moscow, 1961. (In Russ.).
6. *Omarov A.* Sistema kompozitsii v obychnom prave Dagestana [The system of compositions in the customary law of Dagestan], *Scientific Notes of the Institute of History, Language and Literature of the Dagestan branch of the USSR academy of sciences*. Makhachkala, 1966, pp. 255–270. (In Russ.).

7. *Aliiev B., Akhmedov Sh., Umakhanov M.S.* Iz istorii srednevekovogo Dagestana [From the history of medieval Dagestan]. Makhachkala, 1970. (In Russ.).
8. *Uslar P.K.* Khyurklinskii yazyk [Hurklin language]. Tiflis, 1892. (In Russ.).
9. *Drenyakin I.G.* Opisanie Shirvana, 1976 g. [Description of Shirvan, 1976], *Kosven M. O., Khashaev Kh. M.* Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana XVIII–XIX vv. [History, geography and ethnography of Dagestan in the 18th–19th centuries]. Moscow, 1958. (In Russ.).
10. *Butkov P.G.* Svedeniya o Kubinskom i Derbentskom vladeniyakh [Information about the Cuban and Derbent possessions]. 1796 g., *Kosven M. O., Khashaev Kh. M.* Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana XVIII–XIX vv. [History, geography and ethnography of Dagestan in the 18th–19th centuries]. Moscow, 1958. (In Russ.).
11. *Bronevsky S.* Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze [The latest geographical and historical news about the Caucasus]. Moscow, 1823, Part I. (In Russ.).
12. *Komarov A.* Spiski naselennykh mest Dagestanskoi oblasti [Lists of populated areas of the Dagestan region]. Tiflis, 1869. (In Russ.).
13. *Kozubsky E.I.* Pamyatnaya knizhka Dagestanskoi oblasti [Commemorative book of the Dagestan region]. Temir-Khan-Shura, 1895. (In Russ.).
14. *Butkov P.G.* Materialy dlya novoi istorii Kavkaza [Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803]. Saint Petersburg, 1869, part I. (In Russ.).
15. RF Institute of IAE DFRC RAS. F. 14. Op. 11. D. 783. (In Russ.).
16. *Aitberov T.M.* Khrestomatiya po istorii prava i gosudarstva Dagestana v XVIII–XIX vv. [Reader on the history of law and the state of Dagestan in the XVIII–XIX centuries]. Makhachkala, 1999, part I. (In Russ.).
17. *Petrushevsky I.P.* Islam v Irane v VI–XV vv. [Islam in Iran in the 6th–15th centuries]. Leningrad, 1966. (In Russ.).
18. *Adaty Darginskikh obshchestv* [Adats of the Dargin societies], [SSCG]. Tiflis, T. 1873. (In Russ.).
19. *Khaidakov S.M.* Laksko-russkii slovar' [Laksko-Russian dictionary]. Moscow, 1962. (In Russ.).
20. *Aitberov T.M., Kayaev I.A.* Dokumenty XIV–XVIII vv. po istorii Lakii [Documents of the XIV–XVIII centuries. on the history of Lakia], *Bulletin of the Institute of IAE DSC RAS*. Makhachkala, 2014, no. 3 (39). (In Russ.).
21. *Aliyev B.G., Murtazaev A.O.* Genealogiya akushinskikh kadiy i ikh rol' v sisteme upravleniya federatsiei Akusha-Dargo [Genealogy of the Akushin Qadis and their role in the management system of the Akush-Dargo federation], *Genealogiya narodov kavkaza* [Genealogy of the peoples of the Caucasus]. Vladikavkaz, 2013, ed. IV. (In Russ.).
22. *Aitberov T.M.* Svedeniya po ekonomicheskoi istorii Dagestana v "Perechne povinnostei, kotorye poluchal shamkhal i krym-shamkhal" [Information on the economic history of Dagestan in the "List of duties that shamkhal and Crimean shamkhal received"], *Pamyatnik pis'mennosti i problemy istorii i kul'tury narodov Vostoka* [Monument of Writing and Problems of the History and Culture of the Peoples of the East]. Moscow, 1979, ed. 14. (In Russ.).
23. *Aitberov T.M.* Avaristan i avary v dalekom proshlom [Avaristan and Avars in the distant past]. Makhachkala, 2022. (In Russ.).
24. *Akty Kavkazskoi Arkheograficheskoi komissii* [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis, 1870, vol. IV. (In Russ.).
25. *Akty Kavkazskoi Arkheograficheskoi komissii* [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis, 1870, vol. V. (In Russ.).
26. *Guldenshtedt I.A.* Geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Gruzii i Kavkaz iz Puteshestviya g-na akademika I.A. Gil'denshteda chrez Rossiyu i po Kavkazskim goram, v 1770, 71, 72 i 73 godakh [Geographical and statistical description of Georgia and the Caucasus from the Journey of Mr. Academician I.A. Gildenstedt through Russia and the Caucasus Mountains, in 1770, 71, 72 and 73 years]. St. Petersburg, 1809. (In Russ.).
27. *Abdullaev M.N., Aitberov T.M.* Reshenie kadiya i ulemov Kibudi v sfere musul'manskogo prava – pamyatnik prava Dagestana nachala XV v. [Decision of Qadis and Ulemas of Kibudi in the sphere of Muslim law – a monument of the law of Dagestan at the beginning of the 15th century (According to the list of Rafi-Khadzhi Shangodinsky), *Yuridicheskii vestnik DGU* [Law Herald of DSU], 2021, vol.37, no. 4. (In Russ.).

Приложение

Послание Махди – шамхала Тарковского акушинской элите (рубеж XVIII–XIX вв.)

Подлинник, хранится он в сел. Акуша, но у кого именно, нам не известно. Текст Послания начертан по-арабски, но таким человеком, которому привычнее было писать, – как нам видится, судя по отдельным арабским словам и оборотам, – не на арабском языке, а по-тюркски или же по-персидски. Чернила – чёрные, тростниковый (?) *калам*, бумага синевато-зелёного цвета, европейского производства. Почерк – *наسخ*, но с элементами персидского почерка *шекасте*.

Текст Послания снабжен вспомогательным значком, на лицевой стороне листа поставлены три оттиска одной и той же прямоугольной печати. На сегодня, разобрать получается следующие, вроде бы, фразы, в переводе с арабского: «Я уповаю только на Аллаха, который богат» // «Я – раб Аллаха, который надеется только на Него». Махди-Хан (?)».

Более подробное и более чёткое описание этого *Послания* сделать здесь возможности не имеется, как и более уверенно разобрать надпись, которая имеется на оттиске печати. Дело в том, что в распоряжении нашем находится только лишь фото *Послания*.

Внешний вид документа заставляет думать, что *Послание* это написано от имени того «Махди-хан-шамхала», который был сыном шамхала по имени «Мухаммад» или, как его называло большинство поданных, «Баммат». Умер последний в 1797/98 г., а его сын «Махди» – в 1830/31 г.

Перевод текста

От господина (Сайид) Махди-Шамхала (...*шам-хан*), являющегося попечителем (валий), послание: кадию Акуша, а также, главарям и умным личностям из числа акушинцев.

Да будут над вами мир и милость всевышнего Аллаха, которая беспрестанно увеличивается

А далее.

О, люди чистые во всех отношениях! Наш человек, которого именуют Абдурахман, взял долг (*хакк*), причитавшийся ему. Взял же его Абдурахман с вашего человека – того, которого именуют Али, применив тут [содержание] книги, принадлежащей покойному кадию Мухаммаду-хаджи, а также, норму [обычного] права (араб. *расм*), которую практикуют ваши, то есть акушинские, [адатные] судьи (*урафа*). Привлечена была тут, конкретно, позиция Сулаймана, являющегося сыном Зухума (*Зугьум*), Муртазаали и других лиц.

Если вы – акушинцы, – говорите сейчас, что наш человек, по имени Абдурахман, взял с вашего Али [сумму] превосходящую долг, который был на нем, то пришлите [последнего] его к нам, то есть [в Тарки]. Если же не говорите вы так, то прикажите вашему человеку, чтобы отпустил бы он то, что взял, дав этому имя *ишкиль*.

В противном случае, наши мужчины, уже подавшие [мне] жалобы на этот акт, возьмут – взятое, вашими людьми (?) в качестве *ишкилья*, – с ваших мужчин.

Все.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллаев Магомедзапир Нурмагомедович, доцент кафедры истории государства и права Дагестанского государственного университета, канд. ист. наук, заместитель директора юридического института, заведующий НИЛ национальных и федеративных отношений им. проф. Р.М. Магомедова, г. Махачкала, Российская Федерация. *E-mail: mnabdullaev@mail.ru*

Айтберов Тимур Магомедович, доцент кафедры истории Дагестана Дагестанского государственного университета, с. н. с. отдела древней и средневековой истории Дагестана Дагестанского Федерального Исследовательского центра РАН, кандидат исторических наук, г. Махачкала, Российская Федерация. *E-mail: timirlan222@mail.ru*

Поступила в редакцию 31.05.2022 г.; одобрена после рецензирования 08.09.2022 г.; принята к публикации 20.09.2022 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abdullaev Magomedzapir Nurmagomedovich, Associate Professor of the Department of History of State and Law of Dagestan State University, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director of the Law Institute, Head of the Institute of National and Federal Relations named after Prof. R.M. Magomedov, Makhachkala, Russian Federation. *E-mail: mnabdullaev@mail.ru*

Aitberov Timur Magomedovich, Associate Professor of the Department of Dagestan History of Dagestan State University, Senior Researcher of the Department of Ancient and Medieval History of Dagestan of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Historical Sciences, Makhachkala, Russian Federation. *E-mail: timirlan222@mail.ru*

Received 31.05.2022; approved after reviewing 08.09.2022; accepted for publication 20.09.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.